

ЗНАМЯ

В НОМЕРЕ

Политический роман
А. ЧАКОВСКОГО

«ПОБЕДА» (кн. 2-я)

Повесть и рассказ
Вячеслава КОНДРАТЬЕВА

**«БОРЬКИНЫ
ПУТИ-ДОРОГИ»**

**«НА ПОЛЕ
ОВСЯННИКОВСКОМ»**

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ

**«ДВА СРАЖЕНИЯ
НА ВЕСАХ ИСТОРИИ»**

Стихи

Максима ТАНКА, Юрия ПОЛЯКОВА

Очерки и статьи

В. КАВУНА, А. Н. ПОНОМАРЕВА,
Николая ПОЛЯНОВА, Карэна ХАЧАТУРОВА,
Николая ШАМОТЫ,
В. БАСКАКОВА

2

1 9 8 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Даль свободного романа

Глубиной мысли, неординарностью образного строя, свежестью языка дохнули страницы романа Михаила Анчарова «Самшитовый лес».

Было бы весьма трудно пересказать сюжет и фабулу этой книги (если вообще подобный пересказ способен выполнить роль рецензии, а ведь случается...), извлечь из нее проблематику в чистом виде, обозначить конфликтную расстановку главных персонажей. «Самшитовому лесу» в большой мере присущ тот романический строй, который охарактеризован пушкинской строкой: «...даль свободного романа...» Здесь сплаваются в естественном художественном единстве время и пространство, безбрежность и, увы, краткость неповторимой человеческой судьбы, исторические кульминации и радость повседневного бытия, пронзительный миг воспоминания и столь же пронзительный миг прозрения, строгая мудрость и бесшабашное озорство шутки.

Роман М. Анчарова является одним из реализованных выходов нашей современной прозы на некое новое литературно-философское качество. Это «книга жизни» и ее главного героя Сапожникова, налащика автоматических устройств, и в значительной мере самого автора, который это подтверждает вполне открытыми и прямыми обращениями к читателю: «...Я очень хотел написать эту книгу, и я написал ее. Я написал ее для тех, кто любит сложные проблемы. Я написал ее для тех, кто любит».

Оба — Анчаров и Сапожник, при всем их нетождестве — люди, биография которых почти полностью совпадает с биографией страны, вмещается — притом через войну — в этот исторический срок. Практически жизнь каждого такого человека захватывающе интересна, а тем более жизнь интересного человека.

Сказав о войне, я должен договорить о ней. Военная тема занимает немного страниц в «Самшитовом лесу», но они принадлежат к числу наиболее проникновенных и ярких. Неожиданно, в легендарной дымке,

входят в повествование эпизоды и образы войны. Сапожников, Бобров, Цыган и Галка по прозвищу Рамона — чудесный девичий образ, один из двух женских образов романа, удавшихся настолько, что это заслуживает поздравлений. Они верхом. Они в тылу врага. Они обречены и бесстрашны... Пусть эти эпизоды написаны в угадываемой невооруженным глазом хемингуэвской манере, от этого не убудет достоинств героев и письма. И о них же будет сказано в авторской ремарке, откровенной и точной: «...Это растерявшиеся дети. Каждый думал, что после войны вернется на старое место. Но старое место было занято новыми детьми, которые требовали от вернувшихся быть живым идеалом и размахивать саблями. Вычеркнули из детства. И не дали доиграть в игрушки. И все усугублялось самолюбием, с которым младшие вымещали на них свои несостоявшиеся доблести. А те, кто вернулся, не решились сказать — пустите в детство хотя бы на годок».

Но жизнь идет и длится, и при всем том, что унаследовано героями и обретено личным опытом, она, эта жизнь, в которой не соскучишься, подводит наших героев к современным феноменам, а один из них, главный на сегодняшний день и главный вчера и наверняка главный завтра, — научно-техническая революция. Еще шумны, а порой и бранчливы дискуссии на тему «НТР и литература», еще, быть может, не прочитаны и не увиданы, даже не написаны еще и не созданы самые интересные произведения литературы и искусства, посвященные этой теме, а жизнь, та самая, в которой не соскучишься, вносит существенную коррективу. На сцене появляется другой феномен, другое действующее лицо — экология. И заявляет, что она важнее. Она не ограничивается сферой собственно окружающей среды, а распространяет свои претензии на круг социальных, политических, исторических проблем, уж подавно не оставляя сомнений в том, что именно ей надлежит быть в центре интересов и забот литературы и искусства. Этот феномен завораживает, как завораживал на первых порах феномен НТР. Но речь ведь вовсе не о том, что кто-то кому-то должен уступить сцену. Нет, они разведены на одной сцене

в естественном конфликте, диалектическом противостоянии и диалектическом единстве. Потому что именно масштабы научно-технической революции вызвали экологический тревожный набат, а решение экологических проблем никак невозможно без усилий современной науки и техники, без НТР.

Возникает прелюбопытнейшая, полная драматизма ситуация — и вот на этом стыке, мне кажется, можно ожидать принципиально новых явлений литературы и искусства. Ибо ситуация эта подталкивает человека и человечество к углублению и обобщению повседневного философского мышления. В век НТР наука стала непосредственной производительной силой, и, таким образом, работник науки стал непосредственным производителем во все более сужающейся сфере его специализации. Значит, именно в не пределах этой узкой специализации он должен мыслить, если приспособлен к этому нелегкому занятию, — мыслить широко, дерзко, смело.

Вот неполный круг научных и еще, если можно так выразиться, до научных проблем, которыми одержим Сапожников, рядовой инженер, наладчик автоматических устройств: математика, древняя история, термодинамика, сравнительная мифология, генетика, эвристика, космогония, археология, кибернетика, атлантология.. «Я не электроник. Я наладчик, — говорит о себе Сапожников. — Я обслуживаю весь белый свет».

На этом, собственно, я мог бы и закончить рецензию, ибо все, о чем сказано выше, есть в романе Михаила Анчарова, оно и составляет идейное и художественное наполнение «Самшитового леса».

Но есть еще один аспект, о котором умолчать нельзя, — нравственный. Устами одного из героев, «тайного атлантолога» Аркадия Максимовича Фетисова, автор сам обозначает ее классический литературный генезис: «Российская привычка пытаться дойти до сути, решать нерешенные вопросы... Великий обломовский диван... А потом к нам с тобой приходит Штольц, и уводит нашу Ольгу, и заводит торговую фирму. И счастлив, и им есть что вспомнить в конце жизни».

Так вот, нынешние штольцы от НТР в повседневности, оторванной от их конкретных служебных обязанностей, не только диктуют свои условия комфорта — склад такой-то, квартира такая-то, — и не только

уводят что-то Ольгу, бросив свою, и не только коротают досуг за каким-нибудь изящным хобби, нет: они жуть до чего охочи порассуждать с общественных амвонов, печатно и устно, о нравственности и духовности, хотя бы обозначив это как «вопросы теории». Именно понятия духовности и нравственности они считают лучшим прикрытием для своего цинизма и беззащитной житейской хватки. И, увы, из них не убегают, как из анчаровского «выжженного человека» Глеба «все микробы, полезные для организма» — все нужные микробы при них, и пищеварение у них отличное.

Им-то и противостоит Сапожников во всей своей силе и беззащитности — еще один блистательный «чужак» в нашей прозе, не скупящийся характеризовать сам себя: «Я не романтик... Я социалистический сентименталист. Карамзинист. Ибо пейзажи тоже чувствовать умеют. Я бедная Лиза...» Но также: «Увы... я материалист. Мистикам куда легче...» И еще, от автора: «Он теперь уже был немножко умный. И ему от этого было скучно. Потому что ему много раз объясняли, что умный — это тот, кто неоткрытый, а открытые только простофили. Что-то тут не совпадало с правдой, но что именно, Сапожникову понять было еще не дано».

К счастью, образом Сапожникова не исчерпывается в романе круг хороших, совестливых и просто порядочных людей — их много. Нужно ли возводить в добродетель элементарную порядочность? Нужно. Во всяком случае, ее надо фиксировать, как и непорядочность. Однажды в разговоре с автором этой рецензии Константин Михайлович Симонов высказал, будто в полухитку, мысль о том, что не худо было бы включить в анкету пункт: «Порядочность». Позднее, укрепившись в этой мысли, он повторил ее в одном из опубликованных интервью. Но помню, что в первом разговоре нас весьма озаботил вопрос: кто напишет в этой анкетной графе — «не имею», «не состоял»?

Принципиальной удачей в ряду персонажей «Самшитового леса» является образ Нюры, очерченный в романе на особый житейный лад. Ее поступки неожиданны так же, как и ее безыскусные афоризмы и пророчества, но они полны внутренней логики и жизненной правды. Каждое новое появление Нюры на страницах этой книги встречается читателем с радостью ожида-

ния, в итоге всегда оправданной. Это и есть «второй из двух» женских образов романа, который заслуживает поздравлений. Есть еще и третий, достаточно протяженный и весьма значительный по отведенной роли, — Вики, возлюбленной, невесты и к финалу жены Сапожникова, но мне кажется, что он лишь контрастирует своей усредненностью и тривиальностью в соседстве с самим Сапожниковым, в соседстве с Ньюрой и Галкой Рамоной.

В целом же все линии и перипетии этого «свободного романа» туго и прочно переплетены, давая совокупный образ заглавно-

го «Самшитового леса», в котором все деревья во глубине соединены корнями, а это, в свою очередь, образ народа. И с учетом исторического оптимизма, которым наполнен роман, образ всего человечества: «...весь кислород жизни — только от нас, и будущее небо стоит на наших плечах». Это не только хорошо и красиво сказано, но и верно, ибо современная наука утверждает, что атмосфера нашей Земли вся «надышана» живым, живыми, жизнью.

Александр Рекемчук

РЕКЕМЧУК (РЕКЕМЧУК-ПРИХОДЬКО) АЛЕКСАНДР ЕВСЕЕВИЧ

(р. 25.12.1927)

По материалам справочника: Сергей Чупринин. Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник в двух томах. Том 1. — МОСКВА, ВАГРИУС 2003.

Род. в г. Одесса в семье журналиста и контрразведчика, расстрелянного в 1937. Окончил артиллерийское училище (1946) и заочно Литинститут (1952). Был членом КПСС (с 1948). Работал журналистом в Коми АССР (1947—59), спецкором ж-ла «Огонек», ответств. секретарем газ. «За газификацию», собкором газ. «Красное знамя» в Коми АССР (1954—63), зам. гл. редактора ж-ла «МГ» (с 1963), гл. редактором студии «Мосфильм» (1964—67), рабочим секретарем правления Московской организации СП РСФСР (1970—77). Ведет семинар прозы в Литинституте (с 1975; профессор с 1988), является одновременно президентом издат. дома «Пик».

Дебютировал как поэт в 1937. После сб. рассказов «Стужа» (Сыктывкар, 1956) выпустил более 20 кн. прозы, в т.ч.: Берега. Сыктывкар, 1958; Время летних отпусков. Повести и рассказы. Л., 1959; То же. М., «Современник», 1986; Молодо-зелено. М., 1962; Товарищ Ганс. Повесть. М., 1965; Скудный материк. Роман. Сыктывкар, 1968; Нежный возраст. Роман. М., 1979; Тридцать шесть и шесть. Роман. М., 1984, 1987; Старое русло Клязьмы. Рассказы, повесть, роман. М., «Сов. писатель», 1986; Мальчик. Повесть. М., «Олимп», «АСТ», 2001. Издал Избранные произведения в 2 тт. М., 1977 (предисловие В.Саватеева); Избранное. М., 1982. По его сценариям сняты кинофильмы «Время летних отпусков» (1960), «Молодо-зелено» (1962), «Они не пройдут» (1965; реж. З.Кюн), «Товарищ Ганс».

Член СП СССР (1957). Был членом правлений СП РСФСР (с 1970), СП СССР (1971-91), редколлегий ж-лов: «Знамя» (1966—70), «НМ» (1970—86). Член Координационного совета движения «Апрель» (с 1990).

Награжден орденами Трудового Красного Знамени (дважды; 1984), «Знак Почета», Дружбы народов, медалями. Премии еженед. «Лит. Россия» (1986, 2000).